

Маркова Т. Д.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АОРИСТА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОЛОГА XVI ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 88-95. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. **Москвин В. П.** Стилистика русского языка: Теоретический курс. - Ростов н/Д: Феникс, 2006. - Изд. 4-е, перераб. и доп. - 630 с.
2. **Nietzsche F.** Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. - München, 1976. - 368 S.
3. **Nietzsche F.** Antichrist. - 1986. - 125 S.
4. **Nietzsche F.** Die fröhliche Wissenschaft // Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. - München, 1999. - S. 5-345.
5. **Nietzsche F.** Die Geburt der Tragödie. Versuch einer Selbstkritik. - <http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/tragoedi/tragoedi.htm>
6. **Nietzsche F.** Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert. - Frankfurt am Main, 2000. - 123 S.
7. **Nietzsche F.** Jenseits von Gut und Böse // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. - Stuttgart, 1991. - 452 S.
8. **Nietzsche F.** Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. - München, 1999. - 715 S.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АОРИСТА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОЛОГА XVI ВЕКА

Маркова Т. Д.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Пролог - один из **уникальнейших** видов древнейших памятников славянской письменности. Он представляет собой переводной сборник более или менее определённого состава, содержащий заимствованные из различных источников краткие жития святых, расположенные в календарном порядке, а также тексты назидательного характера [Перетц 1915: 282]. Л. П. Жуковская, отмечая **особую роль, которую играл Пролог в обиходе Древней Руси, в формировании культуры и, в частности, литературного языка**, пишет: «Пролог - это своеобразная «библиотека избранных произведений» средневекового читателя, библиотека популярной литературы, доступной каждому читателю и внедрённой в сознание ещё большего числа слушателей» [Жуковская 1983: 110].

Исследователи подчёркивают особое место, занимаемое Прологом именно в древнерусской культуре, обусловленное **актуализированной назидательностью этой книги**. Достаточно быстро выйдя из церковного употребления, Пролог стал неотъемлемой частью домашнего и келейного досуга - книгой, более популярной, чем Синаксарь в Византии [Лебедева 1983: 51].

Пролог **феноменален** не только в функциональном, но и в **языковом** аспектах. Будучи переводным компилятивным памятником письменности, Пролог, однако, является **творческой переработкой** содержания оригинальных источников. Древнерусский книжник, создавая перевод Пролога, гармонизировал текст, подчиняя его единой композиционной и социальной задаче [Давыдова 1990: 266]. Из-под пера древнерусского переписчика чаще всего выходил **не просто список, а именно редакция, творческий пересказ с элементами интерпретации**. Это позволяет исследователям квалифицировать Пролог как оригинальное сочинение, лишь основанное на переводе с греческого Синаксаря: «...русский Пролог стал сборником очень органичным, очень устойчивым, очень читабельным для людей самого разного уровня грамотности; многие его тексты обнаруживают большую близость к произведениям фольклора» [Лебедева 1983: 42].

Вместе с тем **языковые особенности Пролога** до сих пор **не описаны**, хотя, исследователи единодушны в признании актуальности данного вопроса. Естественнo предположить, что, имея непосредственное отношение к церковно-славянской книжности, Пролог должен отражать особенности церковно-славянского языка соответствующего периода. Однако специфика создания текста Пролога, связанная с творческим редактированием и переложением источника книжником-переписчиком, не могла не привести к проникновению в текстовое пространство Пролога древнерусской речевой стихии. Особенно заметно это в **Прологе XVI в.** - памятнике, принадлежащем эпохе, чрезвычайно сложной как в социально-историческом, так и в культурно-языковом отношении. Реально дошедшие до нас списки Пролога (с XIII по XVIII вв.) могут быть как годовыми (начинающимися с сентября) и полугодовыми (начинающимися с сентября и марта), так и квартальными (с сентября, декабря, марта, июня) и даже помесечными [Жуковская 1983: 110]. Материалом исследования, по результатам которого написана данная статья, послужил августовский Пролог XVI в., хранящийся в Институте рукописной и старопечатной книги г. Нижнего Новгорода.

Традиционно ведущей морфологической категорией любого древнерусского и церковно-славянского текста является **глагол**. Именно глагольные формы задают предикативные и модальные параметры текста, транслируют коммуникативную установку автора, определяют композиционную логику и смысловую иерархию, притягивают соответствующий лексический материал.

К XVII веку разнообразные процессы, связанные с изменениями в области древнерусского глагола, в основном завершились. К наиболее заметным результатам этих изменений относится **реформа подсистемы прошедших времен глагола и формирование категории глагольного вида**. **Взаимосвязь** названных результатов несомненна [Маслов 1963: 197-229]. Исследуя язык древнерусских летописей, исторических повестей, житий и деловых документов второй половины XVI века, С. Д. Никифоров приходит к выводу о том, что в указанный период в разговорно-деловой древнерусской речи XVI века не обнаруживается форм аори-

ста и имперфекта, они полностью вытеснены единой формой прошедшего времени на -л, дифференцирующей в видовом отношении [Никифоров 1952: 134, 183-184].

Как и в каких значениях используются глагольные формы прошедших времён и, в частности, аориста (наиболее частотного когда-то повествовательного времени) в Прологе, отражает ли его текст те реформационные процессы, которые наблюдаются в древнерусской письменности рассматриваемого периода, - вот вопросы, ответы на которые позволили бы более полно представить непростую, переломную ситуацию, сложившуюся в русской морфологической системе в XVI-VII веках.

Система прошедших времен глагола представлена в Прологе исчерпывающе. Здесь встречаются как формы аориста и имперфекта, так и формы перфекта и плюсквамперфекта. **Семантический спектр** этих форм **широк**: от системно заданных, базовых и поэтому предсказуемых до контекстно актуализированных, глубоко периферийных, вызванных к жизни взаимодействием глаголов и причастий в рамках композиционного фрагмента или же задачами жанра.

Части Пролога названы разнообразно: слово, беседа, поучение, память и т.д. Но все они укладываются, как уже было сказано, в два коммуникативных модуля: повествовательный и назидательный. Между ними имеется диффузный по коммуникативной установке жанр - слово. Слово может содержать в себе как изложение событий (повествование), так и назидание, поучение, апеллятив. Текст-поучение организован императивом, вместе с которым функционируют также и формы настоящего времени. Они обуславливают особую тональность текста. Императив и семантически модифицированные формы настоящего времени управляют сознанием читателя, меняют те или иные параметры восприятия жизни. Императивные формы в подобных фрагментах являются ключевыми и активно влияют на семантику всех единиц текста, особенно глагольных. Последние в свою очередь являются, как правило, формами настоящего (будущего) времени. В их семантике имеет место сдвиг: они начинают обозначать не столько факт, реальное действие, сколько пожелание, призыв, обетование.

Автор **текста-повествования** ставит перед собой несколько иную цель - рассказать, напомнить, заставить задуматься. Его пространство структурируется **аористом**, семантический потенциал которого неизмеримо богат. Глаголы в других формах (имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта) в контексте семантически и функционально соотносятся с формами аориста, оттеняют его различные смысловые грани и вместе с ним детально представляют включенные в повествование события. Причастия в тексте-повествовании также активно взаимодействуют с аористом, проявляя при этом неожиданную семантическую гибкость.

Аорист - наиболее частотное время, используемое в Прологе. Формы аориста используются здесь **более 650 раз**. По наблюдениям иеромонаха Алипия (Гамановича) [Гаманович 1991: 200], аорист в церковнославянском языке (аналогично и в древнерусском) выражает простое (однократное, недлительное) действие, предшествовавшее моменту повествования [Черных 1954: 236]. Исследуя разговорно-деловые тексты второй половины XVI века, С. Д. Никифоров отмечает изменение в семантике аористных форм того периода: аорист обозначает не просто действие как факт в прошлом, а действие, завершённое, исчерпанное в прошлом [Никифоров 1952: 149-155]. Таким образом, по наблюдениям исследователя, формы аориста конца XVI века - это исключительно книжное явление, а семантика аориста, как говорит С. Д. Никифоров со ссылкой на А. А. Шахматова, исчерпывается «значением результативного вида», то есть перфективным (реже - плюсквамперфектным) значением [там же].

Основная функция аориста в Прологе - повествование. Ряд из нескольких аористных форм обозначает **действия, идущие одно за другим до момента речи**, например (по техническим причинам здесь и далее текстовые иллюстрации приводятся в упрощённой орфографии):

«Та бѣста при Максѣмианѣ цари. Въ едесѣтѣмъ градѣ еладѣстѣмъ и живши же съ Оулириемъ жерцемъ идольскимъ...»

Формы аориста представляют здесь **цепочку наименований действий и событий**:

«... и предста Антоупатю викарию съ дѣтми своими и <...> христиани ся исповѣдаша <...> тѣмъ всѣмъ трѣмоуčenіа прѣяша конецъ...».

Реализацию основного значения аориста можно увидеть и в «Дне святого мученика Еусегния», и в «Страсти святых мучеников Флора и Лавра», и в «Памяти святого апостола Фадея». Однако случаев использования аористных форм в одном, основном значении не так много. Дело в том, что если в контексте имеются другие глагольные формы или причастия (а чаще всего бывает именно так), то аорист вступает с ними во взаимодействие и продуцирует **множество дополнительных смыслов**.

1. Семантика аориста многократно усложняется, когда в тексте появляется **имперфект**.

1.1. К примеру, в «Слове о нѣкоемъ блудницѣ иже милостыню творяше» аористные формы на фоне имперфективных актуализируют семантический **оттенок внезапности действия**, имевшего место в прошлом. Обусловлено это тем, что в данном тексте сравнительно много имперфективных форм (8 против 12-ти аористных) и они обозначают длительные, многократные, регулярные действия в прошлом. Контраст противоположных по грамматическому значению форм (аориста и имперфекта) способствует появлению **обстоятельного оттенка у форм аориста**, а повествование благодаря этому приобретает определенный драматизм: богатый, но милосердный человек **«творяше грѣхъ прелюбодѣльнии в нем же и до старости прѣиде»** - во грехе этот человек пребывал долго, впадал в него многократно, а старость наступила **неожиданно, внезапно**. Так же внезапно этот человек и умер (**оумре**). Когда же затворники по повелению патриарха стали молиться о том, чтобы Господь сказал им судьбу (посмертную) умершего, то Бог опять-

таки **неожиданно, мгновенно** открыл ее одному из молившихся (*откры*). Картина участи умершего также драматична: непрерывно восходит к облакам пламя (*восхождаше*), без надежды на лучшее рядом с этим огненным столбом стоит связанный человек (*стояше*) и постоянно смотрит на край пропасти (*взираше*). Ужасу этому нет конца, что очень хорошо передают формы имперфекта. И вдруг внезапно, как вспышка, перед этим несчастным человеком появляется светлый ангел (*видѣхъ*).

1.2. Обычно, когда в контексте использованы и формы аориста, и формы имперфекта, аорист семантически более богат, более многозначен, чем имперфект. Наличие имперфекта в текстовом пространстве обуславливает появление у аористных форм смыслового **оттенка результативности**, более типичного для перфекта. Данная семантика, как говорилось ранее, была свойственна также формам аориста, используемым в исторических повестях конца XVI в. [Никифоров 1952: 149-155]. Так, в рассматриваемом фрагменте (в «Слове о нѣкоемъ блудницѣ иже милостыню творяше») ангел говорит умершему: «Понеже **не остана** любодѣяннѣ скверны лишень еси блаженаго рая». Здесь на месте аориста (*не остана*) мог быть использован перфект. Но грамматическое значение результативности было реализовано аористом, чему способствовало употребление его на фоне имперфекта.

Аорист может обозначить действие не только внезапное, но и, наоборот, являющееся **долгожданным результатом** других, долгих и непрестанных, действий, обозначенных в тексте имперфектом. И в этом случае аорист снова будет ведущим, фокусирующим на себе внимание. В отличие от перфекта аорист в подобной ситуации будет называть **действие, ставшее результатом**, (перфект же обозначит действие, принесшее результат). Это хорошо видно в «Слове Григорія двословца о Карпѣ епископѣ». Епископ Карп «*по вся дни служаше Богу*» и «*возношаше жрътву*». Имперфективные формы обозначили обычное, постоянное действие, которое стало практически характерной чертой субъекта. И наконец, как результат, - «*отвѣтъ от Господа прїятъ*».

1.3. В «Принесеніи нерукотворенаго образа Господа нашего Иисуса Христа» аорист служит обозначением действия, ставшего также результатом долгого внутреннего желания субъекта. Авгарь «*желаше своимъ лицемъ бѣ видѣти таковыхъ же чудесь самодѣлателя*» решил, что нужно делать - «*написа к Нему писаніе*». Это уже не только результат, но и **решение проблемы**, задачи, которая долго зрела. Посланный в Иерусалим Анания также переживал внутренний кризис:

«*окоушаше ся Божественнѣи образъ Его написати вапы и недооумѣаше ...*». Сомнения и неуверенность автор здесь выразил с помощью сразу трех имперфектов. Однако сердцеведец Христос разрешил все тревоги Анании: «*таи бывающее яви*». Разрешение внутреннего кризиса обозначено аористом.

1.4. Аорист и имперфект, находясь в одном повествовательном пространстве, могут относиться при этом к разным линиям повествования, то есть **дифференцировать повествование рассказчика и повествование о рассказчике**. При этом аорист останется доминантой и в количественном, и в значимостном аспекте. Так, в «Слове о оуставѣ мнишеска житія» аорист используется 24 раза, обозначая однократные, следующие одно за другим действия в прошлом, реализуя свое основное, исконное грамматическое значение. При этом имперфект встретился всего дважды. В первом случае имперфективная форма (*повѣдаше*) относится к субъекту-рассказчику. Все далее идущие аористы обнаруживаются в повествовании этого субъекта (*Петр прозвѣсть*) о Григории (*Папѣ Римѣстемъ*).

Кстати, второе употребление имперфективной формы в анализируемом фрагменте также необычно по семантике: имперфект обозначает продолжительное действие в прошлом, сопутствующее действиям, обозначенным цепочкой аористов. В сущности это семантика, свойственная, скорее, причастиям («*коупи себѣ <...> и вземже мнихъ имѣаше оу себе инъ же братъ видѣвъ оу него и шедъ повѣда...*»). Использование форм имперфекта в значении одновременного, параллельного, сопутствующего действия нередко, по свидетельству С. Д. Никифорова, фиксируется в исторических повестях XVI века [Никифоров 1952: 144-149].

1.5. Ряды аористных и имперфективных форм в тексте могут использоваться для **характеристики персонажей** и становиться, таким образом, **художественным средством**. Например, в «Предпраздньстве преставленія святаго Богородица» аорист используется 6 раз, а имперфект - 5. Пропорция довольно необычная: как правило, если имперфектные формы и употреблены, то количество их в несколько раз ниже числа встречающихся аористных форм. Однако в данном случае все аористные формы обозначают действия царя Арама, который благодаря этому предстает перед читателем как горячий, скорый на руку, жестокий правитель (*прїа, не стерпѣ, ятъ, повелѣ, прїятъ, бысть*). Интересно и то, что начало царствования царя Арама передано имперфектом (*творяше неправду*):

«*...по смерти его прїа царство Арамъ сынъ его. И творяше неправду предъ Господемъ обличень же бывъ и тѣ пророкомъ. Яко оунъ сы не стерпѣ пророческаго обличенія. И разгнѣвався ятъ его и повелѣ слоугамъ вовреци и въ пропасть и сему бывишу прїятъ конецъ. И погребень бысть на земли своеи...*».

Это также имеет объяснение и с точки зрения текстовой семантики (имперфект здесь передает постоянную, неотъемлемую характеристику субъекта), и с точки зрения художественного замысла (динамика событий передается имплицитно: Арам не сразу проявил себя как грозный правитель - вначале он вникал в свои «царские обязанности»).

Действия предшественника Арама - царя Ахава - обозначены имперфективными формами (*двизаше, не оубѣаше, съблюдаше, оубояшеся*). Так создается образ нерешительного, слабого человека, не спешащего или боящегося принимать решения, хотя и облеченного царской властью.

Таким образом, противопоставление аориста и имперфекта в тексте определяется иногда не только семантическими, но и стилистическими задачами.

Подобная картина наблюдается и в «*Оуспеніи Пресвятыя Владычица наша Богородица*», где аористные формы обозначают действия Христа, Пресвятой Богородицы и апостолов, тогда как имперфективные формы используются для передачи отношения людей к известию о приближающемся преставлении Богородицы: формы аориста встречаются здесь 21 раз (*изволи, извѣсти, възрадовася, възиде, устрои, заповѣда, повель и др.*), а имперфекта - 5 раз (*покланяхутся, славословяше, подахуть, плахуть, тѣшае*). Благодаря этому помимо собственно грамматической семантики глагольных форм отмечается ещё и их особая **композиционно-художественная функция**, необходимая для имплицитной передачи ощущения двух различных миров - мира простых людей, с одной стороны, и мира посвященных, а также жителей Неба, с другой стороны.

Очень показателен в этом отношении также отрывок «*Святых мученикъ Павла и Оуліяны и с нима Стратоника*». В этом тексте и аорист, и имперфект реализуют свои основные (системные) значения. Но стилистические оттенки у рассматриваемых глагольных форм различны. Аористы (*предста, исповѣда, бысть, възмогоста и др.*) обозначают действия святых, а имперфект (*препираше*) - действие мирян:

«*Во градѣ бѣста же братъ и сестра по плоти Павелъ же поуча божественнымъ писаніемъ. Препираше іоудея и елліны и пришедшо же царю въ градъ. И не таи вся предста царю и Христа исповѣда. И по-въишень бысть и строганъ ...*».

2. Еще более заметна модификация аористной семантики, обусловленная **влиянием причастий**.

2.1. Если в тексте много аористных форм, то текст очень динамичен, а сюжетный ряд насыщен. Аористы, употребленные в большом количестве, способны обозначить не просто последовательность действий в прошлом, а **последовательность действий, очень быстро сменяющихся друг друга**. Для еще большей динамичности текста вместе с аористом используются причастия в составе оборота «Дательный самостоятельный». В паре с причастием аорист обозначает **действие, которое началось до того, как закончилось предыдущее**. Это хорошо видно на примере «*Страсти святых мученикъ Фотіа и Аникиты*». Здесь используется только аорист, его семантика, таким образом, не осложнена контекстным взаимодействием с какими-либо другими временными формами. Текст насыщен событиями, аористные формы употреблены в нем 15 раз. На реализованную в данном случае системную семантику аориста наслаиваются **обстоятельные смысловые оттенки** в связи с использованием в тексте причастий: «*помольшу же ся емоу и бысть трус и паде капище...*». В данном отрезке текста **интенсивность действий** очень высокая, что также подчеркнуто и повторением союза. Землетрясение началось и капище упало, когда святой едва закончил молитву. Аналогично выглядит и другой случай в том же фрагменте: «*цареви же повельвшу ослѣкну і и абие оуспе рука ему*».

«Дательный самостоятельный» в аористном ряду используется для **имплицитного обозначения максимально короткого промежутка времени между двумя соседними действиями**.

Вообще для конспективной записи последовательности событий, когда изложить нужно все емко и компактно, когда имеет место фокусировка на сюжете, наиболее эффективным является использование цепочки аористных форм и причастий. В этом случае аорист обозначает не просто однократное действие, имевшее место в прошлом, а **действие, очень быстро сменяющее другое (или сменяемое другим)**. Аорист, синтаксически связанный с причастием, обозначает не только действие как факт, но и такие параметры действия, как **скорость и интенсивность**. При этом далеко не всегда используется оборот «Дательный самостоятельный». Например, в «*Страсти святого мученика Коурьсикия*» аорист употреблен 18 раз, в том числе и с причастиями (4 случая, не считая 1 случая использования «Дательного самостоятельного»):

«*... и связавше руцѣ его и в темници затвориша и. И посемъ от глымона милость получитьъ и пуцень бысть <...> нѣкто коумиролюбецъ и паки связа святого и пришед в домъ свои. И оусну и видѣ скоропію оусекнувшу и. И в болъзни соушу ему прииде мати его и глагола емоу что ти естъ съ христіаны бороти-ся...*».

В данном тексте аорист обозначает действие, быстро сменяющее предыдущее событие. Мученика заперли в темнице сразу же после того, как связали его. Между этими действиями нет временного промежутка. А «кумиролюбец» пришел к себе домой и сразу лег и уснул, он захотел спать еще по дороге домой. Этот смысл имплицитно присутствует именно за счет причастно-аористной пары.

Причастно-аористная цепочка превращает сюжет в **непрерывный пестрый процесс, в бесконечное движение**, меняющее своё направление, силу, в живое, пульсирующее действие, **заполняющее собой все пространство повествования**. Сулейман увидел икону на столбе сразу, как только бросил взгляд в том направлении. Ему не было нужды искать ее глазами, она сама заставила себя увидеть (!): «*възривъ Солиман видѣ икону...*» («*Память <...> Божіа человеколюбіа егда възврати съ трудомъ безбожныя агаряни*»).

2.2. Аористный ряд, включающий в себя причастия, в качестве, например, именных частей составных именных сказуемых, может усиливать фокусировку внимания на субъекте, с одной стороны, а с другой - передавать тончайшие смысловые оттенки, связанные с **длительностью междудействия**. В «*Страсти святых мученикъ Фотіа и Аникиты*» в ряду аористов появляются составные именные сказуемые со страдательными причастиями в роли именных частей: *связанъ бысть, въсажена быста, изведена быста и строгана и огнемъ попалена*. С чем связано здесь употребление страдательных причастий? Использование глаголов потребовало бы смены субъекта: мучители связали святых, посадили в темницу и т.д. - или же использования неопределенно-личного предиката, где святые мученики были бы обозначены не субъектом, а объ-

ектом. Но это концептуально неверно: внимание читателя должно быть максимально сосредоточено на свя-
тых. Это одна причина, по которой в тексте употреблены страдательные причастия в составе составных
именных сказуемых с аористной глагольной связкой. Вторая причина заключается в том, что за счет состав-
ных именных сказуемых снижается (едва заметно!) динамика, передаваемая аористами: в аористном ряду
появляется **имперфективный оттенок длительности** (были связаны, были посажены в темницу...). Между
действиями в таком случае начинают просматриваться небольшие промежутки времени, помогающие в
полной мере испытать сопереживание по отношению к святым мученикам.

2.3. Структура причастие + аорист значительно **увеличивает смысловую емкость** глагольного ряда и
позволяет аористу реализовать заложенный в его семантике **периферийный компонент результативности**.
Так, в «*Положеніи мощей преподобнаго отца нашего Максима исповѣдника*» имеются подобные случаи:
оставль все и бысть мних; видльвъ <...> ересь <...> и повель; пославъ <...> и приведе и др.

Здесь все причастия могут быть заменены аористами, темп повествования станет выше, задача автора
будет выполнена без каких-либо потерь. Но при этом исчезнет **причинно-следственная и причинно-
результативная связь** между обозначенными действиями: оставил все и в результате стал монахом; увидел
ересь и поэтому повелел ...; послал и в результате привел ...

Чтобы сохранить эту семантику, пришлось бы или вводить в текст наречия, или использовать перфект. И
то, и другое снизило бы аористную динамику и частично блокировало бы собственно аорист.

Похожая картина наблюдается и в тексте «*Святаго священномученика Маркела епископа и семидесять
оученикъ его*», где плотность аористных употреблений достаточно высокая - 12 случаев. А для передачи
причинно-результативных и причинно-целевых оттенков используется причастно-аористная пара: «*вземъ
воду <...> покропи*» (в данном случае имеет место и оттенок цели: взял воду, чтобы покропить); «*огнь <...>
разгорѣвся пожже*»; «*разгнѣвавшися еллина <...> ввергоша и во огнь*».

Излишне говорить о том, что указанные семантические нюансы могут быть переданы и при помощи
оборота «Дательный самостоятельный» - оборота, ярко маркирующего текст как книжный и являющегося,
видимо, данью книжной стилистической традиции.

2.4. Аорист настолько прочно связан синтагматическими нитями с причастиями, что они нередко появ-
ляются в типично аористном значении в ряду однородных аористных форм. В этом, видимо, проявляется
древнерусская норма, допускающая функционирование кратких действительных причастий не только в ка-
честве компонентов составных именных сказуемых, но и в качестве собственно сказуемых [Черных 1954:
283-285]. Вместе с тем данное явление, возможно, объясняется и другой причиной - **разрушением аориста
как грамматической временной категории**, что и приводит к смешению в тексте аористных и причастных
форм (о явлениях подобного рода в древнерусских текстах деловой письменности XVI века пишет С. Д. Ни-
кифоров) [Никифоров 1952: 149-155].

Например, в «*Принесеніи нерукотворенаго образа Господа нашего Иисус Христа*» читаем: «... и пославъ
заповѣдавъ образъ лица Его написати...».

Здесь одно из причастий, скорее второе - **заповѣдавъ**, занимает позицию ожидаемого аориста. А в тек-
стовом отрезке:

«*начатъ Авгаръ божественую икону Христову и пред людскими враты града еллинскіи кумиръ стоя-
щъ разори и Нерукотворенныи Образъ в того мѣсто постави и заповѣдавъ сице всякому и входящему
првѣе божественъли иконъ поклонитися ти тако входити и исходити и написавъ сице...*» - аористный ряд
однородных предикатов (**начатъ, разори, постави**) включает в свой состав и причастные формы (**за-
повѣдавъ, написавъ**). Необходимо, однако, отметить, что в подобных случаях аористные формы, как прави-
ло, обозначают действия сюжетно более значимые, чем действия, обозначаемые причастиями. В целом рас-
сматриваемый фрагмент очень интересен именно в аспекте аористно-причастного взаимодействия: из 20
употребленных здесь аористных форм 15 включены в аористно-причастные пары, в которых аорист имеет
дополнительный оттенок действия-цели, действия-результата, действия-доминанты. Причем в аорист-
ный ряд может входить даже оборот «Дательный самостоятельный» в усеченном варианте - без дательного
падежа имени (контекстуальная неполнота): «*приступившу к божественному крещенію и оттолъ начатъ
<...> Авгаръ <...>*».

В тексте «*Святых мученикъ Стратоника и Евтухія*» в сильной позиции (финал текста), завершая много-
компонентный ряд однородных предикатов, выраженных глаголами в форме аориста, следуют три прича-
стия с аористной семантикой: *пострадавшие, поблдивше, приѣмше*. Их однородность с аористными гла-
гольными предикатами подчеркнута повторяющимся союзом *и*.

В Прологе встречается и противоположное явление: **аорист может в тексте занять позицию, в которой
ожидается появление причастия**. Например, в «*Слове Иоанна Златаустаго о пуцающих жены...*» читаем:

«...ибо мужъ чадолюбѣць **видѣ** тѣх сиротѣство и равно всѣх миловать...» - здесь вместо аористной
формы **видѣ** ожидается семантически прогнозируемая форма причастия, в функции обстоятельства, **видя**.

Наконец, следует отметить тот факт, что в Прологе встречаются случаи связи **причастия и глагола** в
форме аориста, **соотносящихся с разными субъектами**. Тогда аористные формы реализуют также семан-
тику результата или цели:

«...и не **покорься** и ременіе **крайша** ему от главы и до ногу...» - так как не покорился, то в результате...
(«*Святаго мученика Мирона прозвитера*»).

3. Итак, в текстах-повествованиях аорист играет ведущую роль, на нем строится сюжетный каркас, вокруг него группируются и структурируются все остальные элементы контекста. Что же касается текстов, апеллятивных по установке, **например поучений**, то в них аорист, как и другие прошедшие времена, практически не востребован. Здесь будет доминировать императив в сочетании с семантически модифицированными формами настоящего времени. Какие же смысловые и композиционные функции может выполнять аорист в поучении? Чаще всего при помощи глаголов в форме аориста **вводится цитата**. Также аорист может встретиться в самой цитате. Наконец, аорист используется в своем основном, системном значении, обозначая **однократное** действие в прошлом, на которое автор поучения ссылается как на аргумент. Классический случай текста-поучения будет включать в себя 2-3 формы аориста. Всё остальное глагольное пространство текста займут формы повелительного наклонения и настоящего времени. «*Поучение яко добро есть теши къ церкви*» содержит 2 случая употребления аориста: *рече* - для введения цитаты и *възвеселихся* - в цитате. «*Поучение о миръ и о любви*» - это также яркий пример текста-поучения с точки зрения использования глагольных форм: всего 2 случая употребления аориста для введения цитаты - *заповѣда, рече*. В «*Поучении о молитвъ*» аорист употреблен 6 раз, из которых 5 случаев - в цитате и в ссылке на действия в прошлом (аргументация) - *сътвори, возврати, сътвори, породи, оукроти*, а сама цитата введена при помощи формы *рече*.

При использовании форм аориста в составе ссылок или цитат аргументативного характера у аориста появляется **едва заметный императивный оттенок**. Автор поучения создает подчёркнутую апеллятивный текст, где все должно работать на изменение мира к лучшему. Называя что-то, имевшее место до момента речи, автор имплицитно выражает призыв подражать субъекту, соотносящемуся с аористным предикатом, поступать так же. Или же, наоборот, не совершать того, что сделано когда-то и обозначено аористом. Так, в «*Поучении на преставление Святыя Богородица*» встретилось 6 форм аориста: *посрамишася, явися, ослышися, приступи, въмъстися, приобрети*. Здесь все названные случаи, кроме *явися*, обозначают негативные события и поступки, которым не должно быть места в будущем. Именно к этому призывает читателя автор. В результате - перед нами аористные наименования действий, намеренно отсеченных автором от плана настоящего (будущего) времени. То, что названо аористом, **должно остаться в прошлом и не должно повториться в будущем**, в которое устремлен императив.

Фрагменты Пролога, написанные в жанре «Слова», не имеют стандартной (прогнозируемой, заданной) композиции. Они могут быть повествовательными по своей задаче и апеллятивными. И соответственно по-разному используется в них глагол. Например, в «*Слове Езекии пророка къ епископомъ и попомъ*», очень близком по своим особенностям к тексту-поучению, аорист встретился трижды в своем основном значении с оттенком назидательности. А в «*Слове о святемъ Аполинарии*», явно повествовательного характера, случаев аористного употребления - более 40 (!), имперфектных форм - 6, есть даже перфект и плюсквамперфект.

Итак, аорист неизмеримо богат смысловыми возможностями, которые тем обширнее, чем более насыщен контекст различными глагольными формами. И хотя аорист - это **доминанта повествования**, но и в текстах назидательно-поучительных аорист функционально, семантически и стилистически оправдан.

4. Что касается особенностей образования формы, то в рамках исследуемого Пролога аорист в целом соответствует известной церковно-славянской, а также древнерусской книжной норме [Гаманович 1991: 110-111, 131-132], [Черных 1954: 236-238]. При этом нельзя не упомянуть о некоторых отклонениях в образовании и употреблении аористных форм.

4.1. «*Воспоминание божественного Преображения Господа нашего Иисус Христа*» содержит нигде более не встречающуюся форму глагола *БЫТИ*, которая не может быть истолкована однозначно: «...*то не бы Петръ толикою любовію горя*...». Форма «*бы*» может быть аористом 3 л. ед. ч. глагола *БЫТИ*, графически неверно оформленной (с пропуском титла) и функционирующей в качестве глагольной связки в составном именном сказуемом с именной частью «*горя*» - кратким действительным причастием. Эта версия представляется достаточно вероятной - перед нами небрежное написание. Однако возможно и иное толкование. Дело в том, что приведенный контекст является частью сложного предложения с подчинительной связью и придаточным условия, вводимым при помощи союза *аще*. В этом случае в анализируемом отрезке ожидаемой является форма условного наклонения, употребленного также в составе придаточной части:

«...*аще бо не быша тогда видѣли <...> гласъ свѣше аще не быша слышали*...».

Если интерпретировать форму предиката *бы горя* так, то следует говорить об ошибке в использовании причастия (*горя* вместо *горель*). Ошибка может быть случайной, а может быть и обусловленной процессами, имевшими место в разговорно-деловом языке: смешение форм аориста и причастий является, по наблюдениям С.Д. Никифорова, весьма обычным в древнерусском языке той поры [Никифоров 1952: 149-155].

4.2. В «*Памяти <...> даніи от Бога помощи християномъ в Коньстантинъ градъ*...» используется форма *воскипи*, соотносимая в контексте с субъектом *море* и имеющая типичное аористное значение:

«...*и молитвою же Святыя Богородица воскипи море и потопи корабля их*...» - закипело море и потопило корабли. Аорист ожидается здесь и благодаря наличию еще одного предиката - *потопи*, форма которого совпадает с нормативным образцом аориста 3 л. ед. ч. Следовательно, форма *воскипи* записана с ошибкой, если не принимать во внимание омонимию с формами императива - *воскипи* и *потопи*. Таким образом, в данном фрагменте возможно неоднозначное толкование глагольных форм, что обусловлено омонимией и вероятной контекстной модификацией семантики форм повелительного наклонения (ср. современное: а он возьми да и скажи!).

4.3. В Прологе имеют место случаи смыслового согласования аористных сказуемых с подлежащими, предусмотренные как церковно-славянской, так и древнерусской нормой [Гаманович 1991: 161-162], [Черных 1954: 286]. Например, («*Святаго мученика Иполута и дружины его*»):

«*Дружина святая святаго священномученика Иполута быша во царство Клаудіа*» - здесь функционирует предикат в форме мн.ч. с подлежащим в форме единственного числа, имеющим собирательное значение. А в тексте «*Оуспение Сисоя пустычника в горь Нитріистыи*» использованы предикат в форме мн. ч. и подлежащее в форме ед. ч.:

«... он же рече се *ангелъ приидоша* поятъ мене...» (видимо, здесь имплицитно выражено присутствие нескольких ангелов, которых старец неясно различал за спиной впереди стоящего).

4.4. Но грамматическая несогласованность в числе предиката и субъекта далеко не всегда оправдана контекстом и связана с контекстной семантикой. В Прологе имеют место случаи, видимо, ошибочного использования форм аориста. Так, в «*Слове от патерика о ядущих мнисьхъ на трапезь*» читаем: «и *видьша* духомъ *старець* събдящая на трапезь». В «*Страсти святых мученикъ Лаврентіа діакона Ксуста епископа Римьскаго*» используются два синтаксически однородных предиката, в контексте имеющих неопределенно-личное значение, но один из них - в форме множественного числа, а другой - (видимо, ошибочно) в форме единственного числа: «И посемъ *привязаша* и къ дивіимъ конемъ и *пусти* его по полю...».

4.5. Также обращает на себя внимание смешение аористных форм множественного и двойственного числа глаголов, причем в пределах минимального контекста, иногда даже в составе однородного предикативного ряда. Например, в «*Страсти святых мученикъ Фотіа и Аникиты*» есть такой фрагмент:

«... в темницу въсажена *быста* оба и паки изведена *быста* и строгана и огнемъ попалена <...> ина многа *прътерпѣша* и огнемъ *сконьчашася* за Христа» - здесь в ряду однородных предикатов, имеющих форму двойственного числа, используется форма глагола во множественном числе. В «*Святых мученикъ Серапиона и Полуена*» наблюдается аналогичное явление: «И яти *быша* и *предсташа* Римьскому епарху <...> во смраднѣи темници затворени *быша* и потомъ изведени *быста* и пожрети идоломъ понужена и *не покористася*...» - в однородном ряду чередуются аористные формы предикатов множественного и двойственного числа.

Подобные ошибки очень часты и в древнерусской деловой письменности XVI века [Никифоров 1952: 149-155], что, по мнению С. Д. Никифорова, свидетельствует о **неустойчивом статусе аориста** как самостоятельной временной категории.

4.6. Не вполне понятно употребление аористной формы *видѣ* в «*Преподобныя матере нашея Тасіи*»:

«И рече к неѣ Пафнотіи ты вѣси ли яко Богъ *видѣтъ* вездѣ она же рече еѣ *видѣтъ* и Раи и муку *видѣ*» - в развернутом ответе Тасии на вопрос старца (как и в вопросе) глагол употреблен в форме настоящего времени (*видѣтъ*). А далее идущее продолжение ответа содержит аорист, семантически здесь, на первый взгляд, совершенно неуместный (*видѣ*). Однако, случаи использования форм аориста в значении настоящего (будущего) времени, зафиксированные С. Д. Никифоровым, позволяют предположить обусловленность анализируемой ошибки процессами, происходившими в разговорной древнерусской речи [Никифоров 1952: 149-155].

Таким образом, глагольные формы аориста активно используются в повествовательных частях Пролога, обозначая в них, в первую очередь, **однократные действия, предшествовавшие повествованию**. К данному системному значению аористных форм добавляются семантические оттенки, актуализированные контекстом - прежде всего употребленными в нём другими глагольными формами (имперфектными, причастными). Так, на фоне форм имперфекта в аористных формах проявляется **обстоятельная семантика** (внезапности, причины, цели), **перфектная семантика** (результативности, а также разрешения состояния, длившегося некоторое время в прошлом). В контексте с причастиями у аористных форм появляются семантические оттенки, уточняющие скорость и интенсивность действия, параметры междудействия, причинно-следственные связи действий. Помимо этого аорист в повествовании Пролога может выполнять **композиционно-стилистические функции** (дифференциации различных линий повествования, характеристики персонажей). В поучительных фрагментах Пролога аорист функционирует ограниченно, служа для введения цитат или же для обозначения действий-прецедентов (в составе аргументативной базы поучения, наставления), иногда с оттенком императивности. Образование форм аориста соответствует церковно-славянской, а также древнерусской книжной нормам того времени. Наблюдаемые (достаточно редко) отклонения от норм объясняются, вероятнее всего, тем, что в рассматриваемый период аорист представлял собой **уходящую категорию**. Будучи употребляем в книжной речи как дань традиции, в устном употреблении, влияние которого в определённой мере сказывалось на тексте Пролога, аорист не имел перспективы и активно вытеснялся перфектом.

Список использованной литературы

1. Гаманович, А. Грамматика церковно-славянского языка / Иеромонах Алипий (Гаманович). - М.: Паломник, 1991. - 272 с.
2. Давыдова, С. А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога / С. А. Давыдова // ТОДРЛ. - 1990. - Т. 43. - С. 263-281.

3. Жуковская, Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) / Л. П. Жуковская // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. - М., 1983. - С. 110-120.

4. Лебедева, И. Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога / И. Н. Лебедева // ТОДРЛ. - 1983. - Т. 37. - С. 39-53.

5. Маслов, Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида / Ю. С. Маслов // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. - М., 1963. - С. 197-229.

6. Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С. Д. Никифоров. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. - 344 с.

7. Перетц, В. Н. К истории славяно-русского Пролога / В. Н. Перетц // Записки Неофилологического общества. - 1915. - Вып. 8. - С. 280-296.

8. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954. - Изд. второе. - 336 с.

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В АФОРИЗМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Наличникова И. А.

Оренбургский государственный педагогический университет

Как известно, истинное умение афориста состоит в том, чтобы целой системой изобразительных средств - речевых приемов - обнаружить несоответствие, ввергнуть его в пучину парадоксальности и смеха, отразить коренящиеся в жизни пороки и выявить заключенное в них социальное зло. Приемы парадоксальности связаны с самим объектом изображения и с подходом афориста к нему. Следует также отметить, что парадокс характеров и положений одинаково доступен для понимания лицам разных национальностей, а парадоксальность, создаваемая средствами языка, доступна только лицам, владеющим данным языком во всем его стилистическом, лексико-грамматическом своеобразии. Это объясняется тем, что сущность парадоксального эффекта, создаваемого средствами языка, состоит в намеренном нарушении принятого способа выражения, в создании противоречия между общепринятой системой выражения и данной. Выразительность речевых приемов определяется тем, насколько ясно выступает противоречие, т.е. парадоксальный эффект ярче в тех случаях, когда за намеренно необычным способом выражения мысли стоит обычный смысл, когда он ожидается в восприятии: это способствует двуплановости восприятия, делая очень ярким столкновение двух способов выражения. Парадокс настолько сложное явление, что в создании парадоксального афоризма могут использоваться разнообразные языковые и логические средства, в основном создающие юмористический эффект. Рассмотрим речевые приемы парадоксальности более подробно.

Аллофрония имеет место в тех случаях, когда имеется в виду иное явление (другой денотат), нежели обычно выражаемое данной языковой единицей [Ганеев 2001: 20]. Аллофрония - это смещение, сдвиг референта относительно понятия, предназначенного для него («иметь на уме другое»). Но этот сдвиг следует понимать не как чисто пространственно-временной сдвиг относительно конвенционального объекта, но как указание на другие объекты. Сам объект не может подвергнуться операции внутреннего смещения под воздействием соответствующего предиката. Достаточно сослаться на пример:

Sie schreiben aus Vaterlandsliebe Zeug, worüber man unser liebes Vaterland auslacht. (G. C. Lichtenberg) [Lichtenbers Werke in einem Band 1982: 63].

Из любви к родине они пишут вздор, который вызывает насмешки над нашей любимой родиной.

Г. К. Лихтенберг применяет данный прием для обсуждения вечной темы патриотизма и делает это не для усиления, а для противопоставления, чтобы высказать противоречивые чувства. Чтобы понять смысл афоризма, нужно поразмыслить, т.е. этот прием тем более выигрывает, чем труднее улавливается скрытый смысл. Таким образом, аллофрония - нестандартный, противоречивый, аритмичный аспект языка с асимметричной структурой, причем аллофрония всегда предполагает имплицитное, ментальное высказывание, стоящее за выраженной языковой единицей.

Парадоксальность афоризма может быть обусловлена **антитезой** - это стилистическая фигура контраста в речи, заключающаяся в резком противопоставлении двух понятий или положений, одно из которых отрицает другое. Как средство усиления выразительности, антитеза применяется при сопоставлении образов или понятий, контрастирующих между собой, а также антитетические понятия могут выражать нечто единое своей совокупностью, например:

Die grosse Regel: Wenn dein bißchen an sich nichts Sonderbares ist, so sage es wenigstens ein bißchen sonderbar (G. C. Lichtenberg) [Lichtenbers Werke in einem Band 1982: 71].

Большое правило: если твое немногое не представляет ничего оригинального, то выскажи его по крайней мере оригинально.

Резко оттеняя контрастные черты сопоставляемых членов, антитеза именно благодаря этому отличается настойчивой убедительностью и яркостью.

Двусмысленность (двойное истолкование) - это наличие двоякого значения или смысла. В процессе восприятия двусмысленности разрешаемое несоответствие обеспечивает юмористический эффект, что является функционально-семантической составляющей данного приема парадоксальности: